

Суфийские практики в ордене Ниматуллахи²

Речь о суфийских практиках мы начнем со слов одного из крупнейших суфийских мистиков, Шибли (IX-X вв.): «Где же тот единственный, который жаждет реальности ради самой реальности, жаждет бога ради самого бога?», - поскольку эти слова отражают суть устремленности суфийского мистического подхода – бескорыстного и бескомпромиссного, отбрасывающего любые фиксации.

Суфизм обычно определяют как мистическую традицию в рамках ислама, становящуюся в VIII-IX вв., когда появляются первые суфии. Но есть и другие подходы и версии касательно истории суфизма, например, о том, что задолго до возникновения ислама в Персии существовала традиция иранского рыцарства, воспитывающая из молодых людей духовную элиту, прививая им соответствующие качества. Как рассказывал д-р Джавад Нурбаш, после того, как арабы захватили территорию Ирана, традиция иранского рыцарства вошла в зарождавшуюся новую культуру, и некоторые мастера-рыцари, обнаружив в «Коране» фрагменты, которые говорили, что Аллах – не конкретная сущность, а некая абсолютная реальность, продолжили обучение своему пути уже в рамках ислама. Позже это течение и получило название суфизма.

Если попытаться классифицировать суфизм, то можно выделить два основных направления, которые характерны не только для суфизма, но и для любой духовной традиции: 1) школа трезвости и 2) школа опьяненности.

Первое направление характеризуется стремлением найти рациональные обоснования и точностью изложения суфийской доктрины. Второе направление в большей степени присуще хорасанской традиции. Эта школа носит экстатические устремления, поэтому ее характерным образом является мотылек, привлеченный пламенем свечи, безудержно к нему летящий и сгорающий в пламени: ради любви и экстаза можно сжечь свое собственное существование. Классические представители этих течений - Джунайд аль-Багдади и Байазид Бистами соответственно.

Однако с практической точки зрения в современном суфизме нет жесткого разделения школы трезвости и школы опьяненности. Люди, приходящие к суфизму, могут обращаться к одной или другой традиции и соответствующим им средствам, методам, в зависимости от собственной потребности и устремления. Суфизму в этом смысле присущ индивидуальный подход, обращенный к сердцу отдельного человека, и, главным образом, в соответствии с личностью, наставник пути использует тот или иной подход.

Поскольку речь пойдет о тарикате («путь») Ниматуллахи, то следует дать краткую историю этого ордена. Он назван по имени своего основателя Шаха Ниматуллы Вали, который родился в 1330 г. в городе Алеппо на территории современной Сирии в семье суфийского наставника. Духовные искания Шаха Ниматуллы привели его к шейху Абдулле ал-Йафи. После семи лет обучения у него Шах Ниматулла продолжил свои путешествия, но уже в качестве духовного наставника. Исторические хроники сообщают об испытании способностей, пронизательности Шаха Ниматуллы Тамерланом. Из-за возникших разногласий наставник отправляется дальше и прибывает в Керман, а затем останавливается в городе неподалеку – Махане, где и умирает в 1431 г.

Заметим, что Шах Ниматулла, помимо того, что он был суфием, наставником, был и поэтом; на его строки писал ответы знаменитый Хафиз, хотя неизвестно, встречались ли они лично.

¹ Леонид Михайлович Тераскольский – наставник ордена Ниматуллахи, Николай Леонидович Чистяков – *тир-а далил* («советник шейха») в центре ордена в Санкт-Петербурге.

² Текст доклада, прозвучавшего в ЦИЭМ 12.05.2011 г., был расшифрован Яной Лучшевой и отредактирован С. В. Пахомовым.

После смерти Шаха Ниматуллы ко власти в Иране приходит другой суфийский тарикат - тарикат Сефевийя. Он устанавливает свои правила на территории сефевидской Персии, настаивая на переходе в шиизм. Часть тарикатов начинает покидать территорию Ирана, в том числе и тарикат Ниматуллахи, который переселяется в Индию (там находился внук Шаха Ниматуллы). Другая же часть остается на территории Ирана и заводит вполне успешные отношения с Сефевидами (известно, что шах Исмаил приблизил к себе сына Мир Низама – главы оставшейся в Иране ветви ордена). Дальнейшие события плохо задокументированы. До XVIII в. орден в основном находился в Индии, но в XVIII в. один из его представителей, Масум Али Шах, возвращается в Иран, чтобы там возродить тарикат, и его проповедь пользуется огромным успехом. До XX в. орден находился в Иране, и учеников на Западе не было. С 1970-х гг. искатели знания и мудрости с Запада, Америки приезжают в Иран, где встречают д-ра Джавада Нурбаша и получают посвящение в тарикат. После этого д-р Джавад Нурбаш отправляет на Запад своего ученика Никтаба, с именем которого связано открытие большинства суфийских центров в США, Западной Европе. Сейчас за пределами Ирана существуют порядка 30 *ханак* (местных общин), но в самом Иране большая часть ханак закрыта (и после революции 1978 г. Джавада Нурбаш был вынужден переехать в Англию).

Переходя к рассмотрению суфийских практик, надо сказать, что говорить о них непросто. Поверхностная информация есть в книгах, более глубокая же требует наличия какого-нибудь опыта самих практик.

При упоминании словосочетания «суфийские практики» всплывает представление о кружениях, танцах вокруг костра под удары бубнов, о людях, извергающих огонь и глотающих железо. Путешественники называли таких людей факирами, и это слово в русском языке является синоним фокусника. На самом деле «факир» - это точный синоним персидского слова «дервиш», которое означает «нищий», но в смысле духовной, не материальной нищеты. Факиры – это дервиши суфийских тарикатов, которые в такой странной форме проявляют свои экстатически состояния, практики.

Суфизм – разнообразное явление, в диапазоне от простых народных форм до высочайшей философии и поэзии. Даже в опыте нашего ордена есть опыт сосуществования разных форм: предыдущий глава ордена д-р Джавад Нурбаш был против претензий суфизма на сверхъестественность, но сам он пользовался авторитетом у другого суфийского ордена – ордена Кадирия. Дервиши этого ордена известны своими странными ритуалами. Однако для тариката Ниматуллахи характерна более «городская» форма.

Любая практика Ниматуллахи рассматривается как некий ответ на вопрос, который стоит перед человеком. Если кружение – это ответ, то важно знать, на какой вопрос отвечает эта практика, что в человеке она изменяет и, таким образом, на какую сущностную нужду отвечает кружение (и любая другая практика).

Человек – возможно, единственное творение, которое не просто адаптируется к условиям окружающей среды, но и направляет и изменяет их; не просто следует руслу эволюции, а вершит ее сознательно. Эта способность появилась благодаря тому, что наш мозг способен оперировать символической информацией. Мы отражаем реальность при помощи органов чувств, используем образы, в соответствии с которыми мы можем применить символ, ярлык, слово к вещи. В некотором роде слово дает власть над вещами - эта идея часто встречается в эзотерических текстах, но мы будем воспринимать ее в несколько другом ключе: именно сама способность оперировать символами делает возможным изменять мир, легко взаимодействовать с объектами при помощи удобной символической информации. Вместе с тем возникают проблемы, которые можно назвать «болезнью нашего роста», когда человек еще не научился использовать сознание должным образом. Через органы чувственного восприятия в сознание человека проникают самые разные объекты, складываясь в памяти, как в чулане, устанавливая между собой

связи, зачастую неправильные. Эти объекты и связи оказывают на нас влияние из собственного подсознания.

Кроме того, способность манипулировать объектами сознания приводит к созданию внутри себя некоей карты мира, то есть мы не наблюдаем события сами по себе, а видим собственное внутреннее представление. Поступающая информация фильтруется нашим сознанием, искажаясь, затрудняя таким образом видение нового. На решение этих проблем и направлены суфийские практики.

Начнем с практики самонаблюдения, самоанализа. Эта практика необходима для того, чтобы быть осведомленным о своей внутренней жизни, поскольку случается так, что человек живет, но при своей внутренней жизни не присутствует. Основная идея самонаблюдения, если вы знакомы с идеей «четвертого пути», идеей школы Гурджиева, заключается в фиксировании определенных моментов своей жизни наподобие фотоснимков. Проблема, ошибка возникает, когда люди подходят к этой практике с точки зрения морализаторства, оценивая свои поступки как правильные или неправильные, в то время как задача самонаблюдения – только получить осведомленность о своей внутренней жизни. Выстраивание морализаторских суждений влечет за собой избегание связанной с событиями информации (если поступок оценивается негативно) или фиксацию на ней (если поступок благой) – все это, в конечном счете, привносит искажение.

Позже, когда, как говорил Гурджиев, у человека скапливается целый альбом фотографий самого себя, полученную информацию можно подвергнуть анализу, заметить наиболее частые реакции на определенные события.

Также эта практика нужна для того, чтобы карту внутреннего мира, строящуюся с детства случайным образом, было возможно переделать. То есть, образно говоря, перебрать тот самый чулан, вытряхнув из него ненужное, то, что носит случайный характер. Высветляя с помощью практики самоанализа карту внутреннего мира, человек становится более осведомленным о самом себе.

Другая практика – практика *сама* («слушание»). Происходит она так: дважды в неделю дервиши (т.е. те, кто имеет посвящение в орден) собираются вместе и слушают определенную музыку, надо заметить, для слуха западного человека непривычную или даже отталкивающую. Музыка начинается с медленной мелодии, затем темп нарастает, появляется ярко выраженный ритм, и в конце она переходит в ритмичное скандирование имени Бога, громкий *зикр*. Смысл этой практики – дать человеку вкус чего-то иного, привести его в состояние опьяненности. Это практически единственная из практик, проводимая в группе. Остальные носят скорее индивидуальный характер.

Следует отдельно сказать о *зикре* («помявание»), так как эта практика – сердцевина суфизма. *Зикр* бывает двух видов: громкий и тихий *зикр*. Громкий ведет к экстазу, выплеску энергии. Тихий *зикр*, в противоположность громкому, – практика накопления. Суфии приводили такое сравнение: громкий *зикр* близок тому, как выплескивать вино себе на рубаху, тихий – пить вино и постепенно опьяняться им.

В практике тариката Ниматуллахи основное место занимает тихий *зикр*. С каждым вдохом и выдохом человек повторяет имя Бога, пытаясь переосмыслить свою жизнь в отношении абсолютной реальности, в свете нового центра тяжести, вертикали к некоей абсолютной точке, которую и задает *зикр*. Если обычно события нашей жизни фрагментированы, то практика *зикра* может собрать их воедино и рассмотреть в связи с единым центром. В свою очередь, такой подход позволяет обнаружить внутренний смысл своей жизни и привести в нее божественное, создать вектор, устремляющий человека из плоскости в трехмерное пространство. Такая попытка соизмерять все события своей жизни с бесконечной точкой, с Богом приводит к тому, что во внутреннем мире человека появляется некоторый внутренний масштаб, способность оценивать события как более важные или менее значимые. В итоге события обретают то место, которое им и положено занимать. Таким образом, внутренний масштаб очень важен для того, чтобы наладить контроль над своей жизнью. У человека, не прошедшего это обучение, как правило,

контроль присутствует лишь отчасти или отсутствует вовсе. Ученик, установивший зикр, обладает более пластичным и управляемым лично им миром.

Что касается механизма зикра, то, в действительности, он довольно прост и заключается в том, что человек сосредоточен на имени Бога. Поначалу на каждом вдохе и выдохе невозможно сделать ничего, кроме механического повторения. Если человек не делает усилий для повторения, зикр прекращается. Если усердствует, то входит в особое внутреннее состояние, обусловленное отчасти тем, что само повторяемое слово эмоционально заряжено. Поэтому очень важно, чтобы слово не было отвлеченным от эмоций человека.

Один из образов, используемый в традиции в связи с зикром – образ сна. Когда мы спим, нам кажется, что происходят какие-то события, но на самом деле происходит совсем не это. Что можно сделать, чтобы проснуться? Должна быть точка отсчета, которая напомнила бы человеку, что это сон, так как в тех случаях, когда человек осознает, что он спит, все меняется. И этим эмоциональным центром, точкой отсчета, метрономом, который задает все остальные события, становится зикр. Зикр является аналогом пробуждения во сне, после чего привычные биологические реакции, переживания (например, раздражение и страх) не имеют такой власти. Также в этой практике возможно постепенно переустановить самоидентификацию. Если в начале человек ассоциирует себя с тем, что в суфизме называется *нафс*, или примитивная душа, то постепенно в зикре происходит самоидентификация с целым, с именем высшего Я.

В связи с описанной выше практикой будет логично сказать о следующей – практике медитации. Начальный уровень и первая задача медитации – это успокоение ума от тревог обыденной жизни. Следующий уровень – растождествление с объектами своего сознания (телом, умом, эмоциями и т.д.); переживание чистого бытия. Но если смотреть дальше, то в медитации возможно достижение некой иной точки – точки абсолютного небытия, пустоты, с которой начинает выстраиваться внутренний мир человека. Если удастся достигнуть точки пустоты, то человек начинает видеть пустотность всех объектов своего сознания. Но поскольку для суфизма крайне важна мысль «быть в миру, но не от мира, внешне находиться с людьми, внутренне же – с Богом», то суфии переходят в медитации к практике всевключающего единства, пытаясь встроить все объекты своего сознания в картину целого так, чтобы каждая из частей обрела свой смысл и место. Когда удастся достичь этого состояния, устанавливается полная самоидентификация своего Я с целым, такой человек становится в миру проявлением божественных качеств. В суфизме опьяненности встречаются экстатические восклицания «Я есть Истина», или, как Байазид Бистами сказал про себя: «Преславлен я и моя стоянка». «Преславлен» – употребляется только по отношению к божеству, а истина – одно из имен Бога. Низшее «я», мирская душа, при данной практике усмирена, а высшее Я становится более проявленным. В этой связи для суфизма характерна тема *фана* – уничтожения, растворения в Боге. Персидский мистик и поэт Джалал ад-дин Руми приводит такой образ для фана: сначала человек, его маленькое «я» – как свеча в темноте ночи, и нет другого света вокруг, кроме пламени свечи. Но поутру солнечные лучи заливают комнату, и пламени свечи не видно, но если поднести хлопок к свече, и он загорится.

Еще один важный элемент практики тариката Ниматуллахи – это взаимодействие с наставником, и это, на наш взгляд, самый важный элемент. Так как абстрактные идеи Бога не находят в сердце эмоционального отклика, сосредоточенность на друге, наставнике способна дать для зикра эмоциональный импульс. В суфизме часто говорят, что у человека, вступившего на путь, нет духовного сердца. И наставник на первых порах выполняет роль временного духовного сердца. Со временем ученик приобретает собственное, но необходимо быть гением от духовности, что достигнуть истины без наставника.

На пути к фана, к растворению в Боге, необходимая ступень – фана в наставнике. Вообще говоря, в живом человеке фана достижима легче. Ученик может принимать

атрибуты, черты наставника после долгого общения с ним. Если фана в шейхе достигнута, у человека есть опыт растворения, то ему проще прийти к фана в Боге.

В заключение скажем о еще одном элементе практики – взаимодействии внутри ханаки, общении между дервишами. Если дервиш попадает в окружение, в котором присутствует все необходимое для продвижения по пути, то его внутренняя адаптивная система окликается на это, и он начинает подстраиваться под среду, вызывая таким образом изменения в себе.

В ордене Ниматуллахи для создания среды, в которой возможна трансформация, взаимодействие ведется по нескольким направлениям:

1) благотворительность (орден помогает детским домам, домам престарелым и другим подобным организациям);

2) издательская деятельность (печатаются журнал «Суфий», книги о суфизме).

В самой ханаке существует утонченный кодекс поведения – *адаб*. Это сложная система правил (например, во время совместной трапезы), помогающая направить изменения человека в среде. Так же эпизодически (1-2 раза в год) происходит собрание дервишей тариката из разных стран в Англии, где находится глава ордена, и устраивается регламентированный праздник со совместной *сема* (медитацией под музыку). Цель такого праздника – способствовать добролюбию, сердечности, искренности дервишей, обмену опытом между ними.

Вопросы и ответы

Вопрос: В чем суть процесса зикра, похож ли его механизм на магию?

Ответ: В некоторых тарикатах самому слову, имени Бога приписывают магическое значение. В нашей традиции такого нет. Для некоторых людей оно эмоционально заряжено, эмоционально важно. Это не магия, а создание дополнительного центра внимания, который в обычном человеке без должной подготовки отсутствует. Процесс сродни окультуриванию, когда мы перестаем доверяться своим инстинктам, следовать шаблонам, не полностью отвергая их, но вводя дополнительный элемент, который позволяет учесть их и контролировать. Но при этом зикр должен быть эмоциональным, реальным переживанием, иначе практика становится тяжелой и нудной. Механизм связан с тем, что появляется точка опоры, в отличие от обычного течения по шаблонам.

Вопрос: Не могли бы вы уточнить термин «ханака»: что она из себя представляет?

Ответ: Само слово можно перевести как «обитель». Обычно ханакой в суфизме называют пространство, где присутствует наставник. Наиболее часто – это дом, в котором проходят суфийские собрания, ханакой называют центр. Есть высказывания о том, что где мастер – там и ханака.

Вопрос: Какое имя Бога используется для зикра?

Ответ: Это индивидуально. Наставник предписывает каждому дервишу свои имена. Язык используется арабский. Но если мы в начале мы используем арабские имена, в конце, когда зикр укоренился, язык не имеет значения.

Вопрос: Похожа ли эта практика на внутреннюю молитву в исихазме?

Ответ: Это почти точная аналогия, очень похожая практика.

Вопрос: Что такое духовное сердце – это нечто, общее для всех или привязанное к конкретному человеку?

Ответ: Духовное сердце – это сознание человека. У обычного человека в сознании центр тяжести находится в том, что суфии называют *ал-нафс ал-амара*, приказывающая душа, склоняющая его ко злу. Если удастся совладать с мирской душой и в сознании человека проявятся более высокие слои психики, то считается, что у него есть духовное сердце. При этом отступает мир множественности, и наступает мир единства.

Вопрос: Что Вы можете рассказать об истории, деятельности ордена в России?

Ответ: В 1992 г. вышла первая книга Джавада Нурбаша «Семь эссе о суфизме», она вызвала интерес к суфизму в России. Стали появляться дервиши. В 2004 г. открылась ханака в Москве, а в 2006 г. – в Санкт-Петербурге. Как уже говорилось, сейчас мы занимаемся издательской деятельностью, выпуская единственное посвященное суфизму периодическое издание (кроме русского, оно есть и на других языках).

Вопрос: Ханака – это закрытое общество? Каким образом происходит распространение, прозелитская деятельность?

Ответ: Целенаправленной миссионерской деятельности у нас нет, так что говорить о прозелитизме вряд ли возможно. Если кто-то интересуется суфизмом, то мы просто принимает такого человека.

Вопрос: Суфизм – течение исключительно исламское? Суфизм – это религия?

Ответ: О суфизме существуют разные представления. Скажем, в турецком ордене Бекташи – смесь и ислама, и христианства. В Индии бывают как суфии-мусульмане, так и суфии-индуисты. Но в основном все же мусульмане. В нашем ордене по мере его продвижения на Запад роль ислама уменьшилась.

Что касается второй части вопроса, то конкретно наш орден функционирует как благотворительная организация, а не религиозная.

Вопрос: Вы упоминали Гурджиева, в этой связи существует ли в вашем Ордене идея раскрытия индивидуального предназначения на суфийском пути, выполнения некой личной миссии?

Ответ: Такой идеи у нас нет. Вообще, совсем необязательно, чтобы у каждого человека была миссия. В каких-то случаях человек может следовать просто по пути, заданному эволюцией.

Вопрос: В некоторых практиках существует так называемая точка внутри человека, в которой идет сосредоточение и расширение его внутреннего мира. Существует ли в ваших практиках подобная точка?

Ответ: Да, существует. В суфийской психологии есть понятие сердца, духа, скрытого, самости.

Вопрос: Не могли бы вы рассказать о феномене кружащихся дервишей?

Ответ: Кружащиеся дервиши появляются в ордене Мевлеви, турецком ордене, восходящем к Джалалу ад-дину Руми. Первоначально кружение было проявлением

экстатического состояния. И это всегда было характерно именно для ордена Мевлеви. Позже, поскольку это очень зрелищная практика, у нее появились подражатели, люди, которые думали, что с помощью кружения можно достичь высот духа. Но эта точка зрения осуждалась еще 1000 лет назад. Есть классический персидский трактат по суфизму XI в., где говорится о том, что первоначально всякие телодвижения – это внешнее выражение экстатических переживаний. Когда человек достигает определенного уровня постижения внутри, это может иногда выражаться через внешнее. Затем появилась идея движения через внешнее к внутреннему: как если бы при подражании людям, действительно пережившим некие состояния, можно было бы прийти к ним тоже. Таким образом, с точки зрения традиции эти движения имеют смысл только в одном контексте – контексте обучения в присутствии наставника. Из попыток метафорического описания состояний, связанных с кружением, известно, например, такое: в нем говорится, что весь мир – это мир перемен, где нет ничего постоянного, но в кружении соединяются неподвижность с движением (поскольку вращение в танце происходит вокруг неподвижной оси), мир множественности с миром единства. Сейчас проходят различные семинары по обучению технике танца дервишей, который может использоваться как способ переживания необычных состояний сознания.

Вопрос: Есть ли дервиши-женщины? Как давно это стало возможным?

Ответ: Да, есть. Притом не только дервиши, но и шейхи-женщины. Например, голландской ханакой руководит женщина. В России также есть женщины-дервиши. Еще среди первых суфиев была женщина – Рабия (VIII-IX вв.).

Вопрос: В чем причина гонений на суфийские ордена?

Ответ: Это могут быть разные, самые противоречивые причины, зависящие от конкретной страны. Например, в Турции с 1925 г. все суфийские ордены запретил Ататюрк. Единственное исключение было сделано для Мевлеви, потому что орден имеет притягательную силу для туристов. В России же, наверное, причины коренятся в общей идее борьбы с религией.

Вообще, исламские ортодоксы с подозрением относились к суфизму. Были периоды, когда расхождений было меньше. Скажем, Газали был, с одной стороны, суфием, с другой – самым серьезным исламским авторитетом.

Вопрос: Есть ли сложность проявления себя, например, в социальном общении, семье, если главенствует принцип «в миру, но не от мира»? Есть ли ограничения для дервиша по выбору деятельности, работы, установления, регламентирующие отношения семье?

Ответ: Наверняка есть сложности, но это зависит от конкретного человека. Специальных ограничений нет. Но, скажем, человек может сменить профессию по рекомендации наставника, если это окажется необходимым.

Вопрос: Какое место занимает в ордене учение ислама? Как соотносится принадлежность, например, к христианству к участию в ордене?

Ответ: В любом случае решение добровольно. Установки на обязательное обращение в ислам, к его текстам в нашем ордене нет (в большинстве других от человека требуется быть мусульманином). В сущности, ядро у религиозных учений одно. К тому же на практике случается такая ситуация: большая часть религиозных утверждений

поверхностна, аморфна, поэтому часть идей, связанных с верой, после взаимодействия в ордене может измениться. В любом случае дервиш может уйти.

Вопрос: Существует ли таинство посвящения?

Ответ: Посвящение в орден есть, но назвать его таинством вряд ли можно.

Вопрос: С какого возраста принимают в орден?

Ответ: Обычно в тарикат приходят взрослые, зрелые люди. 16-18 лет – это скорее исключительные примеры.